
ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ БОРИСОВИЧ (ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

А. С. Мищенко и Т. М. Мищенко

(А. С.) Мы познакомились с Юрием Григорьевичем Борисовичем в 1970 году летом в Кацивели, куда я был приглашён (с лёгкой руки М. М. Постникова) в качестве лектора в летнюю математическую школу, которую традиционно организовывал Киевский математик: тополог и комплексный анналист Юрий Юрьевич Трохимчук. Это была моя первая поездка в таком почетном качестве, отчего я был очень горд.

Юрий Григорьевич приехал в Кацивели со своей женой Галиной Николаевной и восьмилетним сыном Андреем. Вместе с ними приехала большая группа учеников Юрия Григорьевича, они все были немного моложе нас, а сам Юрий Григорьевич старше нас лет на десять. Но мы были тогда слишком молоды, и нам казалось, что Юрий Григорьевич и Галина Николаевна намного старше, мудрее и умнее нас. (А. С.) Поэтому, чтобы «не ударить лицом в грязь», я тщательно готовился к лекциям. Мне очень хотелось, чтобы Юрий Григорьевич не воспринимал меня как заносчивого юнца из столицы, а понял, что я действительно профессионал и глубоко знаю не только свою тематику, но и многие современные проблемы математики. Я старался читать лекции настолько доходчиво, чтобы слушатели (в частности, и сам Юрий Григорьевич, и его студенты) не чувствовали неудобства, когда они чего-то не понимали в новом предмете. А предмет действительно был для всех достаточно новый — это теория бордизмов и характеристических классов. Я сам недавно начал работать в этой области и был счастлив, что у меня нашлись слушатели.

В первый вечер Борисовичи как аборигены Кацивели знакомили нас с достопримечательностями этого курортно-научного поселения. Они помогли нам устроиться к одной хозяйке, которая кормила частным образом отдыхающих и не только. В этот вечер мы понравились друг другу, а уже через неделю подружились с Юрием Григорьевичем, его семьёй, с дружной командой его учеников и остались друзьями навсегда.

Юрий Григорьевич отличался одной редкостной замечательной особенностью: он был исключительно любопытен в математике. Он постоянно расспрашивал меня о различных математических проблемах, интересовался, чем я занимаюсь в математике, причём всё это делал деликатно и ненавязчиво. Всё время в Кацивели мы по существу провели вместе, целыми днями обсуждая математические, да и не только математические проблемы.

Естественно, неотъемлемой частью нашего пребывания в Кацивели были купание и загорание, но Борисовичи всё время куда-то нас увлекали; то мы любовались Голубым заливом, то Алупкой, но чаще всего мы шли к телескопу. В Кацивели в то время работал радиоастрономический отдел Крымской Астрофизической обсерватории и находился 22-метровый радиотелескоп для наблюдений миллиметровых волн. Вот к нему-то мы и приходили и обсуждали, что же можно исследовать с помощью этого телескопа.

В рамках работы школы была и культурная программа. Нам устроили экскурсию на Ай-Петри и большой каньон. На дне большого каньона были такие выбоины, которые назывались ваннами. Этих ванн было семь, их названия были очень завлекательны. Мы вспомнили только две: ванна здоровья и ванна любви. Вода в них — жутко холодная, но Юрий Григорьевич все время рвался искупаться, и Галина Николаевна с трудом его удерживала. И в том, как они спорили, чувствовалась такая гармоничность и теплота их отношений, такая любовь, забота друг о друге, что казалось, все вокруг согрето этим теплом.

(А. С.) Итогом нашего такого приятного и плодотворного знакомства было продолжение сотрудничества уже в Воронеже, где Юрий Григорьевич был одним из организаторов ежегодных зимних математических школ. Уже в январе следующего года он пригласил меня в эту школу читать лекции для участников школ, что я и делал на протяжении многих лет.

Зимние математические школы в Воронеже были заметным и значительным явлением в математической жизни Советского Союза.

(А. С.) Зимние Воронежские школы собирали до 150 участников не только из Воронежа, но из многих университетов страны, и даже из-за рубежа, несмотря на существовавшие в то время трудности межгосударственного обмена. К Борисовичу на эти школы приезжали его ученики: из Берлина Петер Менц, из Гданьска Зигфрид Кухарский.

С обоими я тоже впоследствии поддерживал тесные связи, а с Кухарским даже мы потом провели математическую школу в Банаховом центре в Варшаве. С семьёй Кухарского мы потом подружились и дружим до сих пор. В дальнейшем Кухарский пригласил сына Юрия Григорьевича Андрея на работу в Гданьский университет, где он и проработал до своей безвременной кончины.

Лекторами и докладчиками в школе в те времена, кроме таких признанных учёных, как М. М. Постников, Б. В. Шабат, А. Д. Мышкис, были многие молодые люди из Москвы, теперь уже очень маститые математики. Я помню, приезжали туда В. И. Арнольд, Э. Б. Винберг, А. М. Виноградов, Ю. И. Манин, В. П. Маслов, А. Л. Онищик, А. Я. Хелемский, А. В. Чернавский. После моего первого участия в качестве лектора я предложил Юрию Григорьевичу пригласить В. М. Бухштабера и Б. Ю. Стернина, мои кандидатуры ему понравились и они стали неперенными лекторами школы. Позднее по моей рекомендации лекции стали читать А. Т. Фоменко и мой ученик Ю. П. Соловьёв.

Юрий Григорьевич в зимних математических школах был душой общества. Всё начиналось с приезда гостей в Воронеж. Нас всегда встречали на вокзале и сам Юрий Григорьевич, и его ученики. Все непременно ехали сначала к Юрию Григорьевичу на квартиру. Там царили его женщины — тёща Юрия Григорьевича Екатерина

В одной из Воронежских математических школ. В первом ряду третья слева Т. М. Мищенко. В центре академик В. А. Ильин. Во втором ряду слева: первый Ю. Г. Борисович, второй А. С. Мищенко

Евгеньевна и его жена Галина Николаевна. В гостиной постоянно был накрыт стол, появлялись всё новые блюда, всех обильно и разнообразно угощали. Гости приходили, ели, отдыхали и уходили на электричку для отъезда в пансионат, и так до позднего вечера. Часть гостей ещё оставалась ночевать, чтобы уже утром вместе с Юрием Григорьевичем ехать в пансионат, где проходили заседания школы. Точно так же происходили и проводы гостей по окончании школы.

Впервые, когда мы перешагнули порог дома Борисовичей, на нас повеяло той атмосферой дома русской интеллигенции, о которой мы только читали в литературе XIX века. Во-первых, вся семья высыпала в тесную прихожую, нас раздевали, расспрашивали, как доехали, тепло ли было в вагоне и т. д. Во-вторых, запах свежих пирожков, каких-то солений и чего-то невыносимо вкусного и домашнего — запах родного дома. И третье, во всех комнатах от пола до потолка полки, забитые книгами. Книги везде: на столах, на диванах, просто на полу. И КАКИЕ КНИГИ! В маленьком кабинетике Юрия Григорьевича, заваленном до потолка книгами, стояло невероятных размеров мягкое кресло, сиденье которого было протерто до дыр. Как уютно было забраться в него с ногами и читать какую-нибудь необыкновенную книгу из богатейшей библиотеки.

(А. С.) Наконец всех встретили, все приехали в пансионат, поселились. Начинались лекции и семинары, мы все ходили друг к другу на лекции, а потом обсуждали математические проблемы. Эти математические дискуссии проходили весьма успешно. Атмосфера школы была очень дружеская.

Школа проходила в конце января, и обычно стояла прекрасная морозная по-настоящему зимняя погода, морозы в иные школы достигали 25 °С. Лес, а это Воронежский заповедник, был всегда завален снегом, на котором прекрасно видны следы кабанов, лосей и ещё каких-то «неведомых» нам зверушек. В перерывах между утренними и вечерними лекциями почти все ходили на лыжные прогулки. Это были замечательные прогулки по сказочному лесу. Именно там мы поняли, какие они голубые сумерки не в переносном, а в прямом смысле, такие, какими они (сумерки) созданы природой.

(Т. М.) Однажды я с сыном Мишей оказалась на лыжне одна. Мише было лет девять. Мы шли по краю леса, и вдруг раздался шум, треск, с елок посыпался снег. Испуганные, что это или кабаны, или лось, мы застыли, не в силах двинуться с места. Наконец ёлки раздвинулись, и появился, дымясь и клубясь, как облако пара, Б. В. Шабат в распахнутой рубаше, засыпанный снегом.

В другой раз мы пошли на лыжах с Юрием Григорьевичем и Петером Менцем посмотреть замеченную нами посреди степи церковь. Зимняя степь — это снежный простор, пересеченный оврагами и ложбинами, которые не всегда можно было различить под снегом. В некоторый момент мы оказались перед большим оврагом, в который вела накатанная лыжня. Юрий Григорьевич решил, что мы спустимся и поднимемся по другому склону. Но мы с Петером побоялись спускаться по такому крутому склону и решили его обойти. Мы дошли до церкви, но Юрия Григорьевича там не было. Уже сгущались сумерки, мы стали обсуждать, по какому пути мог пойти Юрий Григорьевич, если он поднялся из оврага. И вдруг посередине белой равнины прямо из-под снега появляется голова Юрия Григорьевича и почти сразу исчезает, затем опять появляется и исчезает и так несколько раз. Наконец, медленно поднимается фигура Юрия Григорьевича. Он попал в один из засыпанных снегом оврагов. Но зрелище: голова Юрия Григорьевича на ровной белой поверхности, как на блюде, — из ряда мистических.

По вечерам мы собирались в зале или рекреации, танцевали, пели. Замечательно танцевал Ю. Л. Далецкий (математик из Киева) и своеобразно, можно сказать, экономно, В. П. Маслов. За три такта он делал ровно одно движение, а его партнерша естественно три. Смотреть со стороны было очень весело. Иногда мы гуляли по освещённому луной заснеженному лесу. Однажды мы видели, как просеку пересёк лось. Такая большая тень плавно, безмолвно промелькнула на фоне светящихся от лунного света белоствольных берёз. Все это наполняло нас таким радостным настроением, что большие любители и знатоки поэзии Борисовичи цитировали подходящие стихи известных и неизвестных нам поэтов, особенно Галина Николаевна. Необходимо сказать и о вечерних дискуссиях на самые разные темы: от проблем образования, как вузовского, так и школьного, до аспектов исторической хронологии. На одной из школ А. Я. Хелемский рассказывал, а вернее прочитал цикл лекций по истории Древнего Китая. А на другой школе мы (А. С.) с А. Т. Фоменко рассказали про критику

исторической хронологии Морозова, с которой нас познакомил М. М. Постников. Эти темы очень горячо обсуждались. Да! Это было незабываемое время!

(А. С.) Мое сотрудничество с Юрием Григорьевичем не ограничилось только участием в зимних школах. Юрий Григорьевич расширил эту деятельность и начал издавать серию сборников трудов под общим названием «Новое в глобальном анализе», которых вышло более 15 выпусков. Он пригласил меня в редколлегию серии, и я не только помогал ему формировать сборники, но и с удовольствием публиковал многие свои работы в этой серии. Эта серия оставила заметный след в советской математике, некоторые её выпуски были переведены на английский язык *Lecture Notes in Mathematics*, что характеризовало эту деятельность как очень и очень ценную.

Мы всегда любили бывать у Юрия Григорьевича дома, и, как нам кажется, они у нас тоже. В Москве мы жили недалеко от Казанского вокзала, поэтому и Борисовичи, и его ученики были нашими частыми гостями. А это всегда значило, что дискуссии вспыхивали с новой силой.

В 1989 году мы с нашей дочкой Варей провели целый месяц вместе с Борисовичами у них на даче. Наш день начинался с поездки Юрия Григорьевича на велосипеде в соседние деревни к трем хозяйкам за молоком и приготовления Александром Сергеевичем манной каши (он большой специалист в этом вопросе!). Затем были большие прогулки по лесу, сбор даров природы, походы в музей Воронежского заповедника. А Юрий Григорьевич и Александр Сергеевич строили телескоп, получивший у обитателей дачи (нас было много) название «бревноскоп», потому что он монтировался на бревне. Когда его наконец сделали, мы все и даже жители соседних дач с интересом рассматривали звёздное небо, луну и даже, как нам кажется, кольца Сатурна. Этот год был для нас особенным, нам (семье Мищенко) исполнилось 25 лет, и мы эту дату весело отметили с нашими детьми (к нам приехал на несколько дней наш сын Миша) и нашими друзьями. Помимо Борисовичей, приехал Витя Звягин. Оглядываясь на прожитые годы, мы можем с полной уверенностью сказать, что это было лучшее лето в нашей жизни.

Прошли годы. Сильно изменилась обстановка в стране. Мы стали старше, и встречи с Юрием Григорьевичем стали реже, в основном мы поддерживали связь по телефону. Но мы всегда чувствовали неукротимую энергию Юрия Григорьевича до конца его жизни. Эту энергию он передал своим ученикам, с которыми мы, особенно Александр Сергеевич, поддерживаем постоянную связь. Юрий Григорьевич создал блестящую математическую школу в Воронеже, которая сохранит память о нём на многие годы.

***Мищенко Александр Сергеевич —
доктор физико-математических наук,
профессор кафедры высшей геометрии и
топологии МГУ им. М. В. Ломоносова,
лауреат Государственной премии,
г. Москва***

***Мищенко Татьяна Михайловна —
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории
обучения математике Института
содержания и методов обучения
Российской академии образования,
г. Москва***